

Ирина Чикалова,

*доктор исторических наук, профессор
кафедры Новой и новейшей истории БГПУ
им. М.Танка
(Минск, Беларусь)*

За последнее десятилетие произошло заметное обновление методологической базы и тематической направленности исследований в области гуманитарных и социальных наук, открылись перспективы для расширения исследовательского поля за счет подключения новых дискурсов, в т.ч. феминистского и гендерного. Несмотря на расширившееся влияние, их продвижение в качестве методологической базы в научное исследование часто встречается с открытым предубеждением. Что же мешает и почему это происходит? Чтобы ответить на этот вопрос, я думаю, целесообразно начать с анализа подходов к рассмотрению проблем пола в традиционалистско-консервативном дискурсе.

Для консервативных научных школ характерна особая интерпретация сущности общества и государства, взаимоотношений между ними: общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Равенство существует только в области морали и добродетели, которая состоит в обязанности исполнять предназначенный каждому долг: женщины рожают и растят детей, ухаживают за мужчинами, а мужчины заботятся об общественном благе. Лучшие люди страны не те, кто заботится о своих правах, а те, кто несет особые обязанности. Добавим, что подразумевается также неизменяемость этого порядка и противоестественность попыток воздействия на него с целью модернизации. Самый надежный руководитель человеческого поведения, с точки зрения одного из основателей идеологии европейского консерватизма Эдмунда Бёрка, – скрытая в «обычных предрассудках» таинственная мудрость, унаследованная от предков: именно в ней отражен «разум всеобщий, коллективный, политический». В связи с этим Бёрк провозгласил один из важнейших принципов консерватизма: *«Вместо того, чтобы отвергнуть наши старые предрассудки, мы их глубоко чтим и, добавим не стыдясь, уважаем их именно потому, что это предрассудки: и чем древнее они и шире распространены, тем больше мы их почитаем»*. Консервативный дискурс «о естественном порядке вещей в мире» встроен в каркас культуры западно-европейской цивилизации. Поэтому представления «о естественном предназначении женщины» как «хранительнице традиций, семейных ценностей и домашнего

¹ Материал подготовлен в рамках исследования, выполняемого по гранту БРФФИ-РГНФ № Г04Р-002.

очага» оказались наиболее устойчивыми и тяжело разрушаемыми, ибо составляют базис утвердившегося в европейской культуре патриархатного гендерного порядка. В нем *фактор половой принадлежности* оказывается решающим в «навязывании» женщинам социальных функций, занимающих нижние строчки в системе социальных иерархий. Для консервативных научных направлений в социальных и гуманитарных науках характерным явилась сегрегация и вытеснение на периферию научного знания всего связанного с женщинами и женским. Научное исследование женщин и женского в лучшем случае рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Таким же второстепенным, незначимым, необязательным становилось производимое в результате знание.

Эссенциалистский подход к тому, что связано с полом, создавая «пределы» для научного исследования и являлся основным тормозом для движения вперед. Решающее значение для смены научных парадигм явилось утверждение в социологической мысли ряда новаторских теорий и подходов: структурного функционализма Т.Парсонса; социализации Т.Парсонса и Р.Бейлса; социально-конструктивистского подхода П.Бергера и Т.Лукмана; этнометодологии Г.Гарфинкеля и драматургического интеракционизма И.Гофмана. Они и легли в основу теории, развитие которой подорвало прежние представления о поле и «естественности» различий между мужчинами и женщинами. Ею стала теория гендера, а в качестве инструмента выступила феминистская и гендерная методология. Таким образом, начиная с 1980-х гг. гендер становится одной из центральных категорий изучения в социальных и гуманитарных науках. При всей множественности и дискуссионности описаний и определений гендера смысл заключается прежде всего в идее его социального конструирования, в непрерывности самого процесса «делания» гендера в сложных контекстах возраста, расы и сексуальной ориентации [2]. Понимание гендера в рамках теории социального конструктивизма может выглядеть следующим образом: *«Гендер – это результат и сама система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка».*

Концептуализация и проблематизация категории гендера привела к возникновению в 1990-е гг. новой субдисциплины – *гендерных исследований*. Получив толчок для своего развития прежде всего от *женских исследований*, они переместили акцент с изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата на исследование более широкого социального контекста, анализ *гендерной системы*. В 1990-е гг. *гендерные исследования* выступают в качестве междисциплинарной дисциплины, в рамках которой реализуются новые возможности для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и приватной сферах. В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстает только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. Под влиянием ранее периферийных, теперь вышедших из невидимости областей –

«исследований мужчин», «гей/лесбийских исследований», «квир-исследований» произошло перенесение акцента с исследования положения женщин на механизмы функционирования властного дискурса как такового. С этого момента начинаются собственно *гендерные исследования*, включившие в сферу своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности, феминности и сексуальности*, а сама категория гендера получила статус, равнозначный по значимости давно утвердившимся на исследовательском научном поле категориям «класс» и «этнос». Новая область может быть определена следующим образом:

Гендерные исследования – междисциплинарная исследовательская область, в рамках которой реализуются возможности, связанные с использованием гендерного подхода для анализа властных взаимосвязанностей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в рамках политических, экономических, правовых, гражданских институтов, внутри социальных групп, на межгрупповом и межличностном уровне.

Теория гендера и гендерных отношений может рассматриваться в качестве важной части социальной теории. Что же касается ее имплицитного влияния, то посмотрим, какие вопросы сегодня выносятся в повестку дня благодаря гендерным исследованиям в области социологии, лингвистики, экономической теории, культурных исследований, политологии и истории.

Социология

Основным достижением в области социологии было, несомненно, утверждение самой категории гендера, как важнейшей стратификационной характеристики и проведение многочисленных исследований в сфере гендерных отношений. Среди наиболее крупных вопросов и проблем исследования будут следующие. Во-первых, – выделение четырех уровней проявления гендерных отношений (макро-, мезо-, микро- и внутриличностный). Во-вторых, – ответ на вопрос о том, кто является субъектом гендерных отношений на каждом из уровней их проявления: на макро – государство и группы женщин и мужчин, на мезо – группа мужчин и группа женщин, на микро – мужчина и женщина и, наконец, на внутриличностном – подструктуры идентичности, т.е. «Я как индивидуальность». В-третьих, – постановка вопроса и исследование специфики и форм проявлений гендерных отношений со стороны каждого из участников этих отношений. В четвертых, – постановка вопроса и исследование, в каких случаях гендерные группы и их отдельные представители переходят на позиции не субъектов гендерных отношений, а их объектов. В-пятых, – постановка вопроса и изучение гендерных стереотипов и гендерных контрактов. В-шестых, – исследование феноменов гендерного неравенства в профессиональной сфере («горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация»). В-седьмых, – постановка вопроса, каков характер распределения ролей и власти в межличностных отношениях, что такое гендерная идентичность и как проявляются кризисы гендерной идентичности. В-восьмых, изучение форм проявлений гендерных идеологий, гендерных представлений, гендерных стереотипов и гендерных установок в

различных социальных средах. Наконец, выделение *маскулинности* и *фемининности*, рассмотрение форм сексуальности, выступающих не в качестве природных качеств, а социокультурных конструктов; изучение форм их проявлений. Благодаря выдвижению и изучению названных тем и вопросов состоялось оформление гендерной теории в рамках социологии.

Лингвистика

Исследователи-лингвисты обратили внимание на то, что существует прямая связь между языком и гендером: язык, выступает в качестве дополнительного фактора дискриминации женщин, и в языковом функционировании кодируется властная гендерная асимметрия. Проблема лингвистического неравенства женщин и мужчин, рассматриваемого как следствия гендерной дискриминации личности средствами языка, активно разрабатывается в русле критической (контрастивной) лингвистики. Последняя трактует существующие гендерные асимметрии в языковой системе как проявление лингвистической дискриминации – *языкового сексизма*, – для преодоления которого предлагаются специальные меры по гендерной коррекции современного, андроцентричного по своей сути, дискурса. Мужчины и женщины используют язык для достижения определенных целей, но поскольку половые различия приравнены к различиям в доступе к власти и влиянию в обществе, они имеют своим результатом и лингвистические различия. «Фактически происходит маргинализация женщин средствами языка, вытеснение женского на периферию языкового функционирования, а, следовательно, и языкового сознания, что приводит к восприятию женской личности обществом как второстепенной, не имеющей самостоятельного значения» [4]. Особенно это ярко проявляется в английском языке, в котором просто нет женского рода. Американские и британские исследователи часто демонстрируют в качестве хрестоматийных примеров использование слов *man* (мужчина и человек) и *mankind* (человечество как производное от мужчины) в качестве терминов для описания человеческого сообщества. Это же верно и для других языков – французского, украинского. Точно так же местоимение *he* (он) в английском языке используется по отношению к третьему лицу. Множество эквивалентных слов, относящихся к мужчинам и женщинам, имеют разные ассоциации в языке. Например, «она – его вдова», но не «он – ее вдовец». Исследования различных языковых культур показывают, что дискриминация в языке может проявляться в трех основных формах: а) игнорирование; б) стереотипизация; в) недооценивание, обесценивание. Подобные исследования на примере русского, украинского языков уже идут, на базе белорусского их предстоит начать.

Экономическая теория

В последние десятилетия наметились три широко обсуждаемые проблемы: доступ женщин в условиях глобализации к образованию, экономическим рычагам и ресурсам; гендерные процессы на рынке труда (женская и мужская занятость, соотношение в доходах и оплате труда); доступ

к ресурсам, кредиту, информации; проблема измерения и оценки женского неоплаченного (домашнего) труда; проблема внутрисемейного распределения доходов, ресурсов, труда и распределение властных полномочий внутри семьи. Благодаря исследованиям последних лет стало очевидным, что гендерное неравенство воспроизводится на уровне экономического механизма даже в тех странах, где декларировано политическое, юридическое и гражданское равноправие мужчин и женщин. Высокий уровень феминизации профессии часто является четким индикатором ее низкого социального престижа. Сегрегация женщин в общественном производстве проявляется путем создания внутри «мужских профессий» менее престижных «женских специальностей», или «женских работ». Как правило, женщинам достаются работы, которые не притягивают мужчин, и они занимают освобожденные ими рабочие места. Большая часть женщин занята на работах без больших перспектив роста по службе.

Исследователи, предлагающие новые подходы в экономической теории, едины в том, что неоплаченный труд, домашние обязанности должны быть включены в экономический анализ. Инкорпорировать женщину в экономическую теорию – означает признать ее внерыночную (домашнюю) активность в качестве легитимного экономического вклада. Имеется прямая взаимозависимость между рыночной и домашней сферами деятельности. Существует также порочный круг, воспроизводящий гендерное неравенство: домашние обязанности женщины ограничивают ее возможности на рынке труда и обуславливают более низкую заработную плату. Это в свою очередь закрепляет сложившееся разделение труда внутри семьи. Гендерный подход в качестве методологической основы в сфере экономической теории помогает понять, что сложившееся разделение труда между полами и возникающее вследствие него экономическое неравенство обусловлено характерными для данного общества гендерными ролями и гендерными стереотипами. Однако сравнительные исследования большого числа существовавших когда-либо культур говорят о значительных различиях в распределении экономических ролей и сфер деятельности между полами. Домашний труд не был связан непосредственно с дискриминацией и угнетением. Эта связь возникла позднее, когда домашняя сфера оказалась противопоставленной рыночной, превратилась в маргинальную, социально незначимую[8]. Взяв на себя заботу о быте, женщины позволяют мужчинам уделять все время карьере. Поэтому компенсация за женский труд может быть предоставлена в форме налоговых льгот или госдотаций, как это делается в Венгрии, Аргентине, Израиле и Франции. Идея платить женщинам за то, что они убирают в доме и готовят еду для собственной семьи уже не кажется столь безумной.

Cultural Studies/Культурные исследования

Сегодня трудно представить культурные исследования вне гендерной проблематики. Для этого есть основания, связанные с особенностями развития этой области. В рамках культурных исследований произошел отказ от бинарных оппозиций (высокая культура не противостоит массовой, духовная

культура не отделена от материальной, элитарная (и классическая) не противопоставляется народной). Произошел отказ от негативных коннотаций термина «культурная индустрия», от оппозиции интеллектуала и массы, культуры и политики. В основу культурных исследований положены принципы мультикультурализма и различия. Поэтому опыт субкультур является значимым, и их исследование является тоже важным: культура не обязательно лучшее из всего сказанного и сделанного человечеством, она не тождественна высокой культуре. Культура понимается скорее как процесс создания ценностей, как способ жизни, как совокупность практик, как социальный феномен, а не «сумма эстетических идеалов» и не «голос разума», который проникает через границы времени и нации и говорит от лица гипотетического универсального человека[6]. Культура обыденна (а не то, что считается высоким), и поэтому мы сами принимаем участие в ее создании и научаемся в ней жить, участвуя в повседневных практиках, формирующих наш образ мыслей – получаем образование (которое транслирует гендерные стереотипы), учим родной язык (в который встроена властная гендерная асимметрия), получаем представление о мире труда, получая навыки и первые знания по поводу его разделения у своих родителей, приобретаем опыт межличностных отношений. Таким образом культура выступает в качестве средства легитимации социального неравенства, но она же предлагает способы сопротивления и его преодоления. Исследователь культуры должен чутко улавливать, фиксировать и исследовать феномены, становясь на точку зрения «другого» и используя специфические и нетрадиционные методы: качественные методы этнологии, использование таких источников как свидетельства, авто- и биографии, устные истории. Осознанное предпочтение отдается эмпирическим методам в противовес теоретическим моделям. Все это явилось хорошей предпосылкой для активного развития гендерной проблематики в рамках культурных исследований. В связи же с большой ее широтой и охватом в рамках дисциплины я ограничусь лишь отсылкой читателя к главе в учебном пособии «Введение в гендерные исследования»[6].

Политология

Устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни имело следствием практически полное игнорирование их в политических исследованиях. Большинство классических теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать в политике, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Соответственно женщины и "женское" были спрятаны в политической теории и в андроцентристских историях политической мысли. Концепция, которая структурировала политический дискурс, базировалась на признании четкой дихотомии *публичного* (мужского) и *приватного* (женского) пространств.

С 1970-х гг. начался процесс переформулировки, введения новых исследовательских задач и их компонентов в политологии, например: был поставлен новый вопрос, каким образом гендер конструирует женский

политический опыт, и как раса, этничность, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание: стали исследоваться как взаимопереплетения социальных отношений женщин в семье, на рабочем месте, в общинах влияют на выработку форм сопротивлений и соглашений; стали делаться попытки поместить деятельность негосударственных общественных организаций в контекст более широкого политического и экономического процесса; стали анализироваться взаимоотношения между женской политической практикой и политической теорией; были подвергнуты пересмотру понятия *публичная* и *приватная* сферы и была по-новому поставлена проблема взаимодействия между ними. Наконец, был сделан вызов конвенциональным определениям политики; и в связи с этим ставилось под сомнение традиционное определение *политики*. Одна из пионеров в этом отношении Кейт Миллет в своей работе «*Sexual Politics*» предложила перенести акцент в определении *политики* на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой»[9]. В приложении к взаимоотношениям полов, она развивает тезис о том, что они тоже являются политическими, ибо власть мужчин над женщинами основана на различии полов [9]. Разделение человеческого бытия на сферы *общественной* и *частной* жизни включает в себе ряд смыслов, раскодирование которых обнаруживает следующее. В узком смысле одним из проявлений этого является монополизация мужчинами основных ключевых позиций в политико-властных структурах. В широком же смысле, с одной стороны, – закрепляет мужское доминирование в обществе, с другой, – существует, из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утвердившихся между полами, а с третьей, – маскирует существование властных взаимозависимостей между мужчинами и женщинами.

Таким образом, понятие *политика* стало трактоваться предельно широко – как все действия в сфере социальной и культурной жизни. Поэтому любая женская акция, направленная против дискурса патриархатной культуры, воспринимается как политический поступок, поскольку всегда ставит под сомнение основы и принципы функционирования существующих институтов и практик, призывает к их переосмыслению и символизирует собой акт преодоления властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры. Отсюда – основной лозунг второй волны феминизма – «*все персональное есть политическое*». Поместив в свой центральный слоган утверждение о прямой связи между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами и заботами и социальными переменами, феминисты кардинально расширили саму политическую повестку. Проблемы, прежде рассматриваемые исключительно в качестве «приватных» женских, – аборт, репродуктивные права, насилие в отношении женщин, сексуальное преследование, забота о детях, домашняя работа стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий. Признание того, что *персональное* является *политическим*, упразднило искусственное разделение жизненного и политического пространства на *публичное* и *приватное*. Оно также бросало вызов наложению идеологического

ограничения на *политику*, сводящего ее к узкому миру выборов, кандидатов и их лоббистов.

Переосмысление и деконструкция понятий «политического» и «политической территории» создали основания для попыток построения такой модели гражданства и гражданской активности, которая бы инкорпорировала феминистские политики приватного, основанные на таких специфических для семьи добродетелях, как любовь, интимность и озабоченность судьбой «конкретного другого» [3]. В частности, стоящие на материалистской позиции Джин Элштейн [7] и Сара Раддик [11] вслед за Кэрол Гиллиган, противопоставившей мужской и либеральной «этике справедливости» феминистскую «этику заботы», утверждают, что именно в женском опыте материнства следует искать новую модель гражданской активности. Очевидно, что необходима переоценка положений по поводу того, что значит «быть гражданином» и действовать в качестве члена демократического политического сообщества: кто такой «гражданин»? что делает этот гражданин на арене, где он действует, коль скоро она сконструирована по мужскому типу? [10]

Дискуссии 1990-х гг. на фоне дезинтеграционных процессов, роста националистических движений в мире еще более концептуализировали и проблематизировали понятия «различия» в общем и «гендерные различия», в частности: «...акцентуализация на обобщенной европейской личности, которая сопутствует проекту "унификации" старого континента, неизбежно приводит к "различию", которое становится даже более чем принципиальным и взрывоопасным понятием» [1]. Исчезновение «восточного блока», распад СССР и Югославии, появление чеченского вопроса несет в себе такие феномены, как «различия» в общем, так и «гендерные различия», в частности, ставшие *политически* окрашенными. И хотя корни концепции «различия» могут быть обнаружены также и в иерархических, исключаящих способах тоталитарного мышления, не принимая во внимание феномена *различия* как равноправного множества в целом, становится невозможным анализировать и исследовать происходящие сегодня дезинтеграционные процессы.

История

В национальных историографиях выделяются общие тенденции и этапы в связи с концептуализацией категорий «женщины» и «гендер». На первом этапе исследователи занялись включением в историческую канву женщин, забытых или вычеркнутых из официальной «мужской» историографии, и созданием «ее истории» ("her-story" в противовес "his-story" – «его истории»). Далее, стремясь связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, исследователи занялись изучением исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ. Традиционный социально-классовый анализ общества они стали дополнять фактором различия полов, а статус исторического лица начали рассматривать как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых

характеристик. На следующем этапе вместе с концептуализацией понятия ге. ера сложилось направление, в котором центральным предметом исследований выступает уже не "история женщин", а история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей между мужчинами и женщинами, т.е. гендерных отношений, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории впервые сформулировала американский историк Джоан Скотт в докладе «Гендер: полезная категория исторического анализа», озвученном на пленарном заседании ежегодной конференции *Американской ассоциации историков* в 1985 г. Траектория современного исторического знания, в ее трактовке, развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин к ее зеркальному отражению – однополой «монологической» «женской истории» и далее – к «диалогической» истории *гендерных отношений*, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального (и соответственно свое предметное поле) и включившей в него все сферы социальных отношений как в общественной, так и в частной жизни. Таким образом в гендерной истории *центральным предметом исследований выступает уже не столько «история женщин», сколько история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и женщинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев с учетом сексуального статуса, расовой/этнической принадлежности и возраста, т.е. – «диалогическая» история социальных отношений.*

Наиболее полный теоретико-методологический анализ развития на Западе и в России женской и гендерной истории и особенно после встречи последней с постструктурализмом в русскоязычной историографии представлен работами ведущих российских специалистов Н.Л. Пушкаревой и Л.П. Репиной. Усиление в последние годы научного интереса к проведению исследований, в которых центральными категориями выступали не только класс и раса/этнос, но и категория гендера, говоря словами Дж. Скотт, показало «приверженность ученых истории, которая включает сведения об угнетенных, анализ значения и природы их угнетения, и научное понимание того, что неравенства власти распространяются, по крайней мере, в трех направлениях».

Гендерные исследования в постсоветской академии стали востребованным реальным проектом, который позволил преодолеть кризис научного жанра, связанного с невозможностью далее использовать советские научные догмы и штампы. Гендерные исследования внесли свежую струю, предложив и новый взгляд на старые проблемы, и новые методы их исследования, и новые перспективы. Они приобретают все больше сторонников в научных кругах, а поток публикаций говорит о том, что «бархатная революция» в социальных и гуманитарных науках уже идет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Роз Брайдотти. Пер. с англ. // Гендерные исследования. 1999. №2, С.61.
2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социс, 2000, №11. С.19.
3. Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования. 1999. №3. С.113.
4. Тостокорова А. «Лингвистическое выражение» гендера. Результаты и перспективы демократических реформ // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ, 2004. Выпуск 3. С. 52.
5. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учебное пособие / Под. ред. И. Жеребкиной. СПб., Харьков, 2001. С. 435.
6. Усманова А. Гендерная проблематика в теории культуры // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учебное пособие / Под. ред. И. Жеребкиной. СПб., Харьков, 2001. С. 427-492.
7. Elshtain J. Public Man, Private Woman. Princeton: Princeton University Press, 1989.
8. Н. Hartmann. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex. Signs, 1976, № 1.
9. Millet Kate. Sexual Politics. London: Abacus. 1972. P.23.
10. Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988.
11. Ruddick S. Maternal Thinking. London: Verso, 1989.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕВОЧКИ В СЕМЬЕ

Анатолий Аладьин,

кандидат психологических наук, первый

проректор Женского института

ЭНВИЛА, член-корреспондент БЭА

(Минск, Беларусь)

За вторую половину XX столетия в мире, произошли огромные изменения в отношении к женщинам. Феминистское движение, так или иначе повлияло на всех представительниц женского пола, независимо от того, участвовали ли они в этом движении, отвергали его или считали, что оно не имеет к ним отношения. Представительницы слабого пола обрели большие возможности: женщины премьер-министры, сенаторы, космонавты, директора крупных промышленных корпораций, бизнес-леди и т.д. И хотя сегодня не прекращаются споры о правах женщин, система образования в Европе и Америке почти полностью перешла на антисексистскую модель отношений. Безмерен и вклад, который внесли популярные женские журналы,